Цориева Инга Тотразовна

ЛИТЕРАТУРНОЕ СООБЩЕСТВО СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТОНИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-Х ГГ.

В статье исследуются особенности функционирования североосетинского литературного сообщества в условиях усиления политико-идеологического диктата в культурной жизни страны в послевоенное десятилетие. Анализируется характер взаимоотношений власти и творческой личности, роль регионального отделения Союза писателей в осуществлении идеологического контроля над писателями, выясняются методы подавления инакомыслия в творческой среде.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-2/46.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. II. С. 198-201. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

7. **Иноземцев В. Л.** «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 67-77.
8. **«Новая» и «старая» интеллигенция: общее и особенное: материалы XII Международной теоретико-методологической конференции** / под ред. Ж. Тошенко. М.: РГГУ, 2012. 479 с.
9. **Российский государственный архив экономики** (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 1.
10. **Руткевич М. Н.** О социальной структуре советского общества // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 19-28.
11. **Солодовников С. Ю.** Класс интеллектуалов // Большой энциклопедический словарь. Философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / сост. С. Ю. Солодовников. Минск, 2002. 380 с.
12. **Gouldner A. W.** Against Fragmentation: The Society of Intellectuals. N. Y., 1979. 135 p.

SOCIAL-CULTURAL IMAGE OF AGRICULTURE INTELLECTUALS IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN THE 1930-1950S (BY MATERIALS OF ARKHANGELSK AND VOLOGDA REGIONS)

Ukhanova Yuliya Viktorovna
Vologda State Pedagogical University
yuliya.uhanova@bk.ru

A new approach to the social history of the soviet countryside is used in the article, and agriculture experts are interpreted as the social class of intellectuals in its context. The transformation of agriculture intellectuals‘ social-cultural image in the European North of Russia in the 1930-1950s is considered by such characteristics as the level of education, social background, gender and age composition, and the level of party membership.

Key words and phrases: intellectual capital; practitioners; agriculture intellectuals; agricultural production; social class.

УДК 94(470.65)
Исторические науки и археология

В статье исследуются особенности функционирования североосетинского литературного сообщества в условиях усиления политико-идеологического диктата в культурной жизни страны в послевоенное десятилетие. Анализируется характер взаимоотношений власти и творческой личности, роль регионального отделения Союза писателей в осуществлении идеологического контроля над писателями, выясняются методы подавления инакомыслия в творческой среде.

Ключевые слова и фразы: культурная политика; идеология; национальная интеллигенция; осетинские писатели; Северная Осетия; послевоенное десятилетие.

Цориева Инга Тотразовна, к.и.н., доцент
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства Республики Северная Осетия-Алания
tsorin@mail.ru

ЛИТЕРАТУРНОЕ СООБЩЕСТВО СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТОНИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-Х ГГ.©

Окончание Великой Отечественной войны советское общество встретило значительно измененным. Миллионы людей, уцелевшие в окопах и выжившие в тылу, хотели не только скорейшего восстановления разрушенного войной хозяйства. Народ, прошедший через огромные страдания и лишения, невосполнимые потери близких, жил ожиданием новой, прекрасной мирной жизни. Советский человек остро чувствовал потребность в красоте, желал внешнего и внутреннего преображения. Духовные тяготения народа-победителя девальвировали устоявшиеся каноны идеологической работы, диктовали запрос на новое в культуре и искусстве. Его социальный наказ требовал формирования иной политической архитектоники отношений и связей с властью в сфере культуры.

Политическое руководство страны в ответ на сложившуюся ситуацию сформулировало основные требования нового этапа работы с «человеческим материалом», расставив приоритеты следующим образом: пропаганда социалистических идеалов, воспитание людей в духе социалистического патриотизма, убежденности в верности избранного КПСС пути. Новым важнейшим направлением культурной политики в условиях нарастания международной напряженности, противоборства двух «лагерей» – социализма и империализма – являлось привлечение советской культуры к противостоянию в «холодной войне». Мобилизационное вовлечение культуры в противоборство с капиталистической системой, после некоторого смягчения идеологического давления в годы войны (послабления в отношении к Церкви, предоставление большей свободы в творческой сфере), послужило аргументом усиления контроля во всех областях культурной жизни, стало мотивационной основой реализации поставленных властью задач культурной политики в борьбе с инакомыслием. Вновь обычной становится практика активного вмешательства в творческую лабораторию деятелей

© Цориева И. Т., 2013

литературы и искусства. Творческой интеллигенции отказывали в какой-либо самостоятельности суждений в делах культуры. Художник получал возможность работать в рамках социалистического реализма. Все, что не соответствовало принципам этого метода, объявлялось «заграничным влиянием», «буржуазным индивидуализмом» и решительно пресекалось.

После принятия известных постановлений ЦК ВКП(б) в 1946-1948 гг. творчество многих видных деятелей литературы и искусства подверглось резкой критике. Их обвиняли в аполитичности, безыдейности, проведении идеологий, чуждых партии, преклонении перед буржуазной культурой, «формалистическом трюкачестве» и «мнимом новаторстве».

Дискуссии, развернувшиеся вокруг постановлений в центре, нашли немедленное продолжение в регионах. В сентябре 1946 г. на страницах североосетинских республиканских газет «Социалистическая Осетия» и «Растдзинад» появились статьи, послужившие толчком к началу кампании в отношении национальной интеллигенции. В ноябрьском (1946 г.) постановлении бюро Северо-Осетинского обкома ВКП(б) было подчеркнуто, что «недостатки и ошибки», отмеченные в постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах ―Звезда” и ―Ленинград”», «имеют место и в осетинской советской литературе» [3].

В подражание центру первым резкой критике подвергся журнал «Мах дуг» («Наша эпоха») за публикацию произведений, «не отвечающих идейным требованиям партии, за умолчание современных тем, за политические ошибки и извращения идеологического характера». Здесь так же, как и в случае с научной интеллигенцией Северной Осетии, действовал принцип «бить наиболее видных, чтобы боялись остальные» [7, с. 210]. Поэтому неудивительно, что наибольшей критике подверглись ведущие писатели республики А. Гулуев, Т. Джатиев, Д. Мамсуров, Б. Муртазова, Д. Туаев, А. Царукаева и др.

Писателей обвиняли в идеализации «времени алдаров и князей, уродливых явлений старого быта», сужении понятия «Родина» до «семейного очага», своего горного села. Причем не того, которое «обрело счастье в колхозе», а связанного с «проклятым прошлым» [2]. Резко осуждались грусть и отсутствие оптимизма, считавшиеся проявлением упадочничества. Даже упоминание о голоде и тифе в годы войны считалось грубой политической ошибкой, которой якобы могли воспользоваться противники социализма [5, д. 5, л. 8, 12].

Очередное наступление на художественную интеллигенцию в конце 1948 г. было связано с «разоблачением» космополитизма. Несмотря на то, что североосетинская писательская организация не отказалась от поисков космополитов в своих рядах, ей удалось относительно безболезненно выйти из этой области критики. В произведениях некоторых писателей были обнаружены лишь отдельные «элементы» космополитизма, символизма и формализма.

Гораздо большую опасность для национальных культур представляли обвинения в буржуазном национализме. Они стали особенно популярными в начале 1950-х гг. и были обусловлены изменением политических акцентов внутренней национальной политики в СССР. Как известно, во второй половине 1940-х гг. изменилась концепция русского народа. Он перестал восприниматься официальной идеологией как первый среди равных. Было возвращено его дореволюционное видение как народа-просветителя и покровителя. Эта концепция была исторически обоснована прославлением прошлого русского народа и ревизией истории его отношений с другими народами СССР. Отныне если русское прошлое превозносилось во всех своих аспектах, то политические и культурные достижения, имевшиеся в далеком прошлом нерусских народов, должны были затушевываться.

Для творческой интеллигенции Северной Осетии новые политические установки приобрели вполне осязаемую форму после принятия постановления ЦК ВКП(б) «О недостатках в работе Северо-Осетинского обкома ВКП(б)» от 7 февраля 1950 года. Через три недели состоялся V пленум Северо-Осетинского областного комитета ВКП(б). Отвечая на критику по поводу «серьезных ошибок, допущенных партийной организацией в идеологической работе», Президиум пленума посвятил существенную часть повестки дня обсуждению вопросов, связанных с идейно-политическим состоянием осетинской литературы. Как отмечалось в постановляющем документе: «В литературу и театр проникает чуждая идеология, имеют место попытки оживить в сознании людей пережитки капитализма и феодально-родового быта» [4, д. 233, л. 48].

Жесткой критике подверглись пьесы «Хадзимет Рамонов» Д. Кусова и «Коста» Т. Епхиева и Т. Джатиева. Автору первого произведения поставили в вину якобы неверное изображение революционных событий и гражданской войны в Северной Осетии, а также забвение роли русского рабочего класса в освобождении осетинского народа от феодального и капиталистического ига. Авторам пьесы «Коста» инкриминировали грубое искажение исторической действительности и образа великого осетинского поэта-революционера. Большим идейным пороком пьесы было названо «отсутствие в ней исторически правдивого отображения влияния великих русских революционных демократов и передовых прогрессивных деятелей русской культуры последующего периода на формирование общественно-политических взглядов и всей революционной деятельности К. Хетагурова». Пьесу критиковали и за якобы идеализацию феодального прошлого, пропаганду «великого времени» в истории Осетии [Там же, л. 48, 49]. За критикой последовали организационные выводы. Пьеса «Коста» изымалась из репертуара Северо-Осетинского драматического театра. Пьеса «Хадзимет Рамонов» допускалась к постановке только после коренной переработки.

Принимая подобные решения, партийное руководство республики предупреждало деятелей культуры о том, что отражение прошлого и настоящего народа не должно расходиться с официальными политическими оценками явлений и событий.

В документах V пленума Северо-Осетинского обкома ВКП(б) в феврале – марте 1950 года еще не прозвучало открытых обвинений в национализме, но политическое тяготение к такой практике было уже очевидно. Через два года новое постановление ЦК ВКП(б) «О руководстве Северо-Осетинского обкома ВКП(б) идеологической

работой в республике» от 4 марта 1952 года окончательно расставило все акценты в данном вопросе. В нем было подчеркнуто, что в некоторых произведениях осетинских писателей имеются «крупные идеологические ошибки и извращения националистического характера, увлечение патриархальным прошлым» [5, д. 19а, л. 4].

Реакция областного комитета ВКП(б) на столь жесткое замечание высшего партийного органа была вполне предсказуемой. На повестку дня V пленума обкома, состоявшегося 16 апреля 1952 года, вынесли единственный вопрос: «О состоянии и мерах по улучшению идеологической работы в республике». Здесь наряду с жесткой критикой представителей научной интеллигенции, особое внимание было уделено анализу идеологической и политической состоятельности художественной литературы.

Критика творчества писателей носила конкретный, адресный характер. С. Бритаева, Х. Плиева, Д. Хетагурова обвиняли в «чрезмерном увлечении исторической тематикой», «воспевании седой старины, приукрашивании и пропаганде пережитков родового быта». По мнению литературных цензоров, политической ошибкой Т. Епхиева было изображение в качестве национального героя «реакционера Хазби Аликова – защитника интересов феодальной знати». Особой критике подверглось сказание А. Гулуева «Бечир», где переселение горцев в Турцию в 60-е годы XIX века рассматривалось поэтом как результат насильственных действий русских властей [4, д. 713, л. 33; 5, д. 19а, л. 5]. Подобная трактовка трагической страницы истории горцев явно диссонировала с изменившейся концепцией истории русского государства.

Таким образом, обращение к историческому прошлому своего народа становилось для художника небезопасным делом, так как именно здесь, по убеждению партийных идеологов, можно было особенно легко оказаться в плену националистических представлений.

Реакция художественной интеллигенции на критику, звучавшую со страниц республиканской печати, и поиски в произведениях писателей элементов безыдейности, аполитичности, формализма и декадентства, как правило, была одинаковой. Обычно большинство покаянно принимали критику в свой адрес, признавая свои «ошибки». Лишь немногие находили в себе мужество занять более смелую и независимую позицию, оппонировать критикам, отстаивая свое миропонимание. Однако и эта позиция сводилась в основном к желанию избежать официально санкционированного «покаяния». Писатели не вступали в открытую конфронтацию со сложившимися идеологическими стереотипами и не выходили за рамки лояльного отношения к существовавшей системе [5, д. 5, л. 6-8].

Мотивы поведения творческой личности в середине 1940-х – середине 1950-х гг. во многом определялись изменением форм государственного регулирования культурных процессов. Несмотря на ужесточение идеологического диктата, в рассматриваемый период методы искоренения инакомыслия среди деятелей культуры претерпели существенные изменения. Политическая архитектоника с оглядкой на «мировую систему социализма» предполагала изменения в декоративном оформлении власти. Если в 1930-е гг. широко практиковались открытые репрессивные меры: арест, суд, физическая расправа, то в послевоенное десятилетие к подобным методам прибегали уже редко. В среде художественной интеллигенции было немного таких случаев. В частности, аресту подверглись писатель Р. Чочиев и художник Г. Едзиев. Причем, истинная причина злоключений последнего состояла даже не в том, что его политическая позиция и творческий стиль не соответствовали канонам соцреализма. Как говорил о нем писатель С. Марзойты: «…строптивый характер, да наивная открытость и прямота суждений оказались губительными» [1, с. 226].

Теперь были приняты иные методы борьбы с инакомыслием: общественное порицание, коллективное осуждение, невозможность профессиональной реализации и материального существования вне творческого союза, вне официальной идеологии. Эти методы оказались не менее эффективными в подавлении творческой индивидуальности. Творить в условиях ограниченной свободы было условием ее существования. От художника требовали соизмерять свои замыслы, творческие планы с социальным заказом. В этом заключались драматизм ее положения и причины растущего внутреннего конфликта, проявившегося в последующие годы.

Представляется, что некоторое смягчение принудительных методов воздействия на творческую интеллигенцию было обусловлено также рядом внутренних обстоятельств. Прежде всего, в результате массовых политических чисток в обществе, имевших место в 1920-е – 1930-е гг., реальная оппозиция существовавшему режиму была практически уничтожена. Одновременно происходило планомерное вытеснение старой интеллигенции выходцами из среды рабочих и крестьян. Пролетаризация интеллектуального слоя наиболее легко происходила в национальных окраинах Российской империи, где до Октябрьской революции интеллигенция была немногочисленной. За годы советской власти в процессе реализации политики выравнивания уровня социально-экономического развития народов, проживавших на огромном пространстве СССР, здесь сформировалась новая «трудовая» интеллигенция, в абсолютном большинстве состоявшая из представителей пролетарских слоев и исключительно лояльно настроенная по отношению к существовавшему политическому строю [6, с. 113].

Государство стремилось обеспечить представителям активной части интеллектуальной элиты в области литературы и искусства наиболее благоприятные условия для создания «выдающихся образов» социалистического реализма. Учитывалась и необходимость усиления идеологического воздействия культуры на укрепление союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции в формировании единой социальной и интернациональной общности – советского народа. Был отработан также государственный механизм манипулирования общественным сознанием и процессами, в частности, в сфере науки и художественной культуры, который позволил несколько ослабить репрессивные методы воздействия на интеллигенцию. Наконец, принимался во внимание и международный фактор, предполагавший в условиях возникновения двух мировых систем формирование позитивных установок в отношении практики государственного строительства в СССР.

Важным инструментом идеологического контроля служили творческие союзы, объединившие художественную интеллигенцию сначала организационно, а затем идейно на базе марксистско-ленинской идеологии. Членство в организации было обязательным условием существования творческой личности, поскольку только в ее рамках можно было рассчитывать на решение вопросов творческих и материально-бытовых. Со временем творческие союзы все более бюрократизировались и приобретали черты корпоративной организации. В послевоенное десятилетие, по мере упрочения организационной и материальной базы, количественного пополнения рядов, в них утверждались традиции авторитарного руководства.

Сформировавшаяся система отношений в Союзе писателей Северной Осетии обеспечивала членам Правления преимущественное право на издание своих произведений, на участие в творческих мероприятиях разного уровня, на выдвижение кандидатур на соискание премий, на получение творческих командировок. Из-за отсутствия механизма низового контроля руководители по своему усмотрению могли распоряжаться финансовыми средствами творческой организации, крайне затрудняя к ним доступ рядовым членам Союза. От них зависело решение вопросов оказания материальной помощи, улучшения жилищно-бытовых условий, предоставления путевок в санатории и на курорты [5, д. 17, л. 9-11, д. 19, л. 10, 15-18, 21].

Методы морального и материального поощрения, широко использовавшиеся с начала 1950-х годов, служили одновременно средством для обуздания инакомыслящих и для поощрения лояльных.

Так формировалась художественно-бюрократическая элита. Выражая интересы авторитарного государства, она все более сближалась с партийно-советской номенклатурой и превращалась в проводника идеологических установок в среде художественной интеллигенции. Приоритетными направлениями развития литературы становились разработка современной тематики, создание образа положительного героя, воспитание советского патриотизма, преданности социалистическим идеалам, пропаганда идей интернационализма.

Послевоенное десятилетие стало частью творческой биографии писателей трех поколений. Свою литературную деятельность первое поколение начало еще до 1917 года. Второе – формировалось в годы становления советской власти. Третье поколение пришло в литературу уже в послевоенный период. Эти три поколения внесли не только посильный вклад в развитие осетинской литературы, но и заметно повлияли на духовное состояние общества.

Вместе с тем, оценивая достижения и характер духовного воздействия писателей, следует учитывать, что успехи и неудачи творческих деятелей, их авторитет определялись не только талантом, нравственными качествами и чувством личной ответственности перед обществом. В условиях регламентированной общественной и духовной жизни писатели вынуждены были в своем творчестве руководствоваться идеологическими и политическими требованиями, предъявляемыми государственно-бюрократической системой к «инженерам человеческих душ». А это во все времена – серьезное испытание для любой творческой личности. И выдержать его без потерь способен далеко не каждый.

В заключение отметим, что во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. политическая архитектоника связей и отношений власти и литературного сообщества Северной Осетии, на наш взгляд, не претерпела серьезных трансформаций. Изменились формы работы, методы воздействия на творческую интеллигенцию. Была пересмотрена иерархия части идейно-политических приоритетов в художественном творчестве. Но принципиальные «строительные нормативы» социалистического реализма остались незыблемыми, увеличивая дистанцию между жизнью североосетинского общества и ее литературным отражением.

Список литературы

1. **Марзойты С.** Номенклатурные этюды // Дарьял. 2000. № 2. С. 215-233.
2. **Социалистическая Осетия.** 1946. 13 сентября.
3. **Социалистическая Осетия.** 1946. 30 ноября.
4. **Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Северная Осетия-Алания** (ЦГА ИПД РСО-А). Ф. 1. Оп. 6.
5. **Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания** (ЦГА РСО-А). Ф. 730. Оп. 1.
6. **Цориева И. Т.** Культурная политика и литературно-художественная жизнь в Северной Осетии в период «оттепели» // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2011. № 3. С. 110-114.
7. **Цориева И. Т.** Проблема восстановления и развития кадрового потенциала советской науки во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг.: по материалам Северной Осетии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7. Ч. 3. С. 209-212.

LITERARY COMMUNITY OF NORTH OSSETIA IN POLITICAL ARCHITECTONICS OF THE SECOND HALF OF THE 1940S – THE FIRST HALF OF THE 1950S

Tsorieva Inga Totrazovna, Ph. D. in History, Associate Professor
V. I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanities and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Centre of Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic of North Ossetia-Alania
tsorin@mail.ru

The article researches the peculiarities of the North Ossetian literary community functioning under the conditions of political and ideological dictatorship intensification in the cultural life of the country during the post-war decade. The nature of the relationships between authorities and the creative personality and the role of the regional branch of Writers‘ Union in the implementation of ideological control over writers are analyzed, and the methods of dissidence suppression in creative environment are ascertained.

Key words and phrases: cultural policy; ideology; national intellectuals; Ossetian writers; North Ossetia; post-war decade.